

Невесомый след

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Андрей Драгунов

Ссылка на публикацию

– Мо-ляш-ка! – Цаца-Цаца! Мо-ляш-ка! – Цаца-Цаца! Мо-ляшка!! Ца-ца! – грянул вдруг снизу, от реки Казанки, слаженный хор парней и девчат. Танюша подняла взор. Вот их Кульсеитово, окруженное со всех сторон зимним лесом. Перед ней улица прямая, с двумя рядами бревенчатых домиков под крышами соломенными,

присыпанными снежком. И вон дюжина старшеклассников, идущих вразвалочку ей навстречу.

Между тем заводила их – Жердяй – завопил:

– Ца-ца – Ляш-ка!!

И многие отпрянули от него во все стороны со смехом, да и попадали в снег. Шум и гам от них по всей деревне нёсся.

– Ой-ой… – отчаянно забилось у Татьяны сердечко, и из души вырвалось: – Господи, помоги!

«Ох уж эти Жердяйщики!… – пронеслось у неё в голове. – Вот занозы! Они ещё и не то скажут, когда подойдут ближе…»

– Та-няша-Ма-ляша! Та-няша-Ма-ляша!! – затворили им с другой стороны голоса мальчишек. Вон они, с дощечками-каталками стоят на горе, руками на неё показывают и поют: – Та-няша-Ма-ляша! Та-няша-Ма-ляша…

Дом её в три окна был уже рядом. До него Танюша дошла быстро, приоткрыла калитку, и, ни разу не оглянувшись, неспешно взошла на крыльцо.

Вот он дом, куда стремится её душа, и её мир – тихий и чистый. Гладко отёсанные бревенчатые стены, высокие дощатые потолки, пол из массивных плах – всё было коричневато-серым, с тёмными прожилками древесины, или же почти однотонно-серым. Бежевые шторки, будто только что отглаженные, собранные волнами и подвязанные верёвочками, украшали на кухне оба окна. Слева, в углу, стоит русская печь – большая с крупными алыми углями в подтопке. Печь в их доме почему-то не белят. Может, оттого, что так красивее. Таня сама её по весне и осенью покрывает светло-коричневой глиной и затирает мастерком. А глина эта есть во всех оврагах. Справа у окна стоит массивный стол с лавками. На нём – кувшин с молоком, большая кружка и тарелка, половинка каравая хлеба, укрытая тряпицею. В углу над столом, на полочке, стоят три иконы.

Девочка опустила у стены свой тяжеленный портфель, сшитый из кирзовых сапог. Затем сняла полушубок козий, мехом внутрь, грубо сшитый суровой нитью, и повесила его на один из гвоздей у двери. Поставила тут и валенки.

И вот девочка осенила себя крестом и поклонилась глядевшим на неё с икон Спасу Нерукотворному, Богородице Владимирской и Угоднику Божьему Николаю. По случаю дня памяти Николы Зимнего сегодня утром мама зажгла у икон лампадку.

Походив в шерстяных носочках по массивным половицам взад и вперёд, Татьянка встала на цыпочки и под слышимую только ей музыку попробовала танцевать. А потом закружилась в своём развевающемся платьице и, пошатнувшись, ухватилась за косяк, чтобы не упасть.

Отдышавшись, девочка отворила дверь и весело произнесла:

– Мамуля, я пришла из школы! Можно, я погуляю?

– Хорошо-хорошо, иди, доченька… – ласково ответил ей мамин голос, и тут же донёсся стук ручной швейной машинки.

Татьянка оделась, повязала на голову шерстяной платок серенький, сложив его вдвое. Выйдя в сени, она осторожно открыла входную дверь и выглянула на улицу.

Старшеклассников и мальчишек младших нигде не было.

По улице девочка прошла несколько домов, свернула в переулок и скрылась от всех любопытных глаз за изгородью.

Как же хорошо идти-то по бело-белому снежку гладкому-гладкому… А мама-то как услышит про школьные её злоключения, так руками и всплеснёт, и скажет:

– Есть в том, Танюша, и радость… Нет нераспятых в Раю!

Но чтобы поберечь маму, об историях своих многих она говорить ей перестала. И в школе она о них тоже не говорит. Да кому говорить-то? Учителя все глаза от неё отводят и на уроках почти не спрашивают. Одна только Вера Михайловна, беспартийная, учитель русского языка и литературы, её любит. Седая, с шалью пуховою на плечах, всегда-то она так тепло из-под очков на неё смотрит.

А однажды в школе всех двоечников и даже хулиганов в пионеры приняли. Она же, Таня, хорошистка. В переполненной учениками классной комнате пионервожатая звонко её спросила:

– Хочешь ли ты, Татьяна, со всем советским народом строить великое светлое будущее и порвать со своим прошлым?

Она же опустила глаза и тихо произнесла:

– Я верующая…

После линейки её почитай что приволокли к завучу и за что-то ругали. Она там молчала… Потом уже в школьном дворе она всхлипывала и сама себе говорила:

«Ни за что не пойду в безбожники! Что мы вам с мамой сделали»!!

Тогда от сердца у неё отлегло, и где-то там, в душе – в хмурый зимний день – как бы засияло солнце, и стало так сладко…

И вот пришла Танюша на околицу, где стоял высокий сосновый лес. От этого места в чащу его уходили лентами две дороги. Как же у перекрёстка-то здесь хорошо и вольно дышится! Вот и солнышко средь облаков мохнатеньких показалось. Снег от солнышка на всех пенёчках и горочках так и искрит, и огнями переливается.

«А не пойти ли мне сейчас к Настёнке? – вдруг возникла в её голове мысль. Сестра её старшая замуж вышла, и в деревню Каймары, что стоит средь полей, по осени перебралась… – Только бы Бога она не оставила, а Он её. Как ей там, у родни-то новой? А на задах у них ни тебе ни рощицы, ни деревца нет… Мужа её Ивана скоро в армию заберут. А что делать? Одна радость – война позади – не на войну! Всем-то суженый её хорош: в Бога только не верит. Но вот икону маленькую Святомученицы Варвары в доме поставить он разрешил…»

«Если по дороге через Семиозёрку идти, то до Каймар далеко будет… – подумалось ей. – Но Казанка уже замёрзла. А как лёд встанет, то все каймарские, да и все, кому на станцию Дербышки надо, прямо через наше Кульсеитово ходят. Если по тропе той пойти, то у Настёны я засветло буду. Мама говорит – ты у меня прыткая…Что тебе семь километров-то в пятнадцать лет? Сегодня в ночь она к телятам малым пойдёт, и до завтра меня не хватится… Вон у тех домов тропа на Каймары начинается»…

– Царю Небесный, Утешителю, Душе истины… – сами из глубин души её вырвались слова.

«С Богом ничего не страшно», – всем сердцем ощутила она.

Тропа до Каймар нашлась на обычном своём месте. И была она не широкой, но хорошо утоптанной. А снега в лесу было по колено.

И Татьянка пошла по ней прямо в лес.

«А холод-то, цап-царапка, всё равно лицо щиплет! – тёрла она щёки ладонью и думала: – Но ничего… В полушубке моём козьем никакой мороз не страшен! И валенки у меня высокие, и варежки шерстяные – маминой вязки, и шаль – подарок сестры Насти».

«До чего же хорошо, когда ты одна-одинёшенька, – думалось ей по дороге. – То думаешь, о чём хочешь, то молишься. Как сладко-то на душе…»

И вспомнился Татьяне брат их с Настёнкой старший – Николай. Какой красивый он них, как молодой дуб. Всю войну он прошёл и до сих пор служит. В первые дни войны чудом он жив остался. Думает, что тогда на воде сам Николай Угодник его спас… А папа вот с войны не вернулся…

В военные годы из Ленинграда на станцию Дербышки оптико-механический завод вместе с блокадниками эвакуировали. Для него среди леса корпуса новые возвели. Подле них немцы пленные большой двухэтажный посёлок построили… Многие кульсеитовские теперь туда на работу ходят. А до революции в деревне у нас своя ткацкая фабрика была. И все кто живёт у нас – выходцы из Курской области. Со времён царя Иоанна Грозного все мы тут так и живём…

Большую часть пути, по снежку через замёрзшую гладь речки, и потом по сосновому и еловому лесу, Татьяна прошла быстро. Выйдя на опушку, она увидела слева домики. Это Семиозёрка. Бабушка говорила, что при царе там большой монастырь был. Последний крестный ход с Богородицей Семиозёрной, иконою чудотворной, состоялся в 1922 году. К иконе этой люди ехали и шли со всей Руси.

Вот прямо с Семиозёрки задул сильный ветер и понёс над полями позёмку. Один ручеёк белый, из крупиночек снега, живо заструился у её ног. «Ух, здорово»!… Потом ветер стих и вновь стало тихо.

Тропинка на Каймары дальше шла через поля. Но из-за холмов отсюда их не было видно.

По полю идти оказалось труднее, так как тропинку местами замёл снег. И вот, подустав уже, дошла Татьянка до одного из холмов. На склоне его на неё порывами налетал сильный ветер и бросал в лицо снег. Тут и в тихую погоду всегда ветер. Ну, а сейчас он крепчал и крепчал, и уже стал крутить снежные вихри. От него, такого злющего, Татьянка варежками лицо прикрыла.

– Господи, помилуй! – вырвалось из её души. Взывая так без конца, Татьяна понемногу одолела полосу сильного ветра…

А там наверху ветер дул будто бы сразу со всех сторон, и в воздухе стояла белая пелена. Тропинку Татьяна потеряла, и где Каймары, не знала… И дальше шла просто наугад. Снега-то здесь было всего на вершок, но идти против ветра она устала. Тогда углядела она в снежном мареве себе подружку – ёлочку пышную, одного с нею росточка. И больше нигде деревьев не было. Девочка присела за ёлкою с подветренной стороны. Посидела-посидела, да и ощутила, что согрелась.

Вокруг стало темнеть. В сознании Татьяны проплывала большая русская печь с жаркими углями, стоящая дома, и три иконы с лампадою. Отчего-то взгляд её остановился на едва различимой во тьме иконе Николая Угодника, и она прочла ему краткую молитву.

И вдруг видит она, что прямо перед нею сквозь снежную пелену силуэт тёмный стал вырисовываться.

«Так это ж дедушка в тулупе сером», – поняла она. – «Он наш, кульсеитовский… Или семиозёрский!?…»

Дедушка тем временем опустился перед ней.

– Никак ты это, Татьяна? – с сердечным беспокойством спросил он.

– Я, дедушка, – пискнула она в ответ.

– И что ты тут делаешь? – ласково спросил он. При этом Татьянке показалось, что она была с ним уже в другой – сказочной вьюге, где вот-вот должны были появиться большие говорящие звери и сам Дед Мороз.

– От ветра я тут укрылась, дедушка. Жду, когда утихнет, – из последних сил, произнесла она.

– Нельзя тебе тут сидеть. Ты только не засыпай! – строго сказал он и, перекрывая голосом шум ветра, возгласил: – А ну, вставай, милая! Иди за мной и не отставай!

И от голоса его, такого сильного, даже ветер утих немного. Татьянка поднялась легко. И это тоже удивительно было, так как только что слово каждое давалось ей через силу.

Потом Татьянка шла и шла за дедушкой, и ощущала себя как за каменной стеной. С интересом смотрела она, как ветер носит и крутит вокруг снежинки.

И вот впереди во мгле показались огоньки.

– Ну, вот и пришли, милая, – обернулся к ней добрый дедушка и, указав на огни рукою, сказал: – Вот на свет прямо и иди!

И Таня как никогда послушно пошла вперёд. Но дедушка остался сзади, и потому она оглянулась…

А дедушки нигде уже не было…

Первый же порыв ветра пронизал её насквозь, и всё вокруг загудело.

Коченея от холода, Татьяна вошла в село. На негнущихся ногах, спотыкаясь и падая, она пробралась через все сугробы на улице и, наконец, ввалилась в нужный ей дом.

– Как… Как!!… Вот полоумная! – бросившись к ней, вскинула руки Настёна. – Да что ж тебя из дому в такой буран понесло?!…

Татьяна скрюченными пальцами протёрла от снега глаза и подняла их на красный угол. Там на новой полочке со шторками стояли две иконы. Одна поменьше – Святомученицы Варвары. Ну, а вторая… Со второй же смотрел на неё тот самый добрый дедушка, что только что вывел её из лесу!

– Гляди-ка, Николушку первым делом углядела! – сразу смягчилась сестра и добавила: – Сегодня Фатина – Ванина бабушка перед самим бураном к нам пришла. Икону Ване эту подаёт и говорит: «Вот тебе, внук, на счастье». Ну, Ваня её и взял. Мельком на лик глянул: вижу, понравилась она ему. Для вида только он стал с боков её разглядывать, как работу столярную. А икона-то эта старинная. На днях только я Фатине обмолвилась, что Угодника Николая особо почитаю, и вот – подарок.

А уходя, баба Фатина шепотком произнесла:

– Из Семиозёрки она.

Татьяна так молча в своём козьем заснеженном полушубке и стояла.

– Э-э-э, ты чего, чего? – обеспокоенно коснулась её плеча Настёна.

Та закрыла тогда лицо руками и заплакала. И плакала вроде не горько, но навзрыд.

В дом в это время со двора вошёл муж Насти – Иван. И он тоже был снегом запорошен и продрог.

Посмотрев на него, Татьянка успокоилась.

Когда Татьянка с Иваном и Настёнкой пили чай, она всё им и рассказала. Ветер на дворе утих. К утру на синеватом небе не осталось ни облачка. Солнышко же лучилось ярко и радостно как никогда.

Утром Татьяна сказала:

– Вот как сюда пришла, тем же путём обратно и пойду.

– Что же, иди, – согласилась Настёна. – Только я тебя через лес провожу.

Вчерашний след свой Татьяна в поле нашла сразу. Снег вчера был свежим, и Татьянка ногами его примяла. Тот же снег, что не был примят – ночью ветром сдуло. Оттого сейчас следы её над поверхностью снега выступали.

След Татьяны шёл сначала почти по прямой, затем – кругами… И вот та ёлочка, под которой она сидела…

– А где же следы Николы? – спросила вдруг Настя.

А следов-то святого Николая вообще нигде не было!!…

Когда сёстры подошли по полям к лесу и в нужном месте нашли тропинку, наполовину присыпанную снегом, Настя Татьяне сказала:

– Танюш, та помощь, что ты от Святого Николая получила, для него самого – обычное дело. Такая уж душа у него большая, чистая и светлая, что всем помочь ему хочется. Вот и помогает Никола всем, кто к Нему обращается. В случаях особых сам к кому-либо приходит. Людям он непременно в облике своём явится. Как-либо поможет им и исчезнет. А люди-то только потом понимают, кто это был, когда на иконах его узнают… Нет чудес у неверующих, так как нет на них Благодати Божьей, а для верующих от Адама и Евы они и не кончались. До безбожной революции вера живая среди россиян не в диковинку была, оттого предки наши Дедушку Мороза встречали в лесу чаще.

***

С той поры прошло уже больше семидесяти лет. Рядом с жилым массивом Дербышки Татьяна прожила большую трудовую жизнь. В своё время она вышла замуж, воспитала детей и внуков, да и сейчас жива.

Сколь же близок к нам, грешным, духовный мир, невидимый телесными очами!